

БОЛЬШАЯ
ПРОЗА

АНДРЕЙ
ИВАНОВ

**АНДРЕЙ
ИВАНОВ**

БАТИСКАФ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

Художественное оформление серии *С. Власова*

Иванов, Андрей Вячеславович.

И20 Батискаф / Андрей Иванов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-092467-7

«Батискаф» Андрея Иванова погружает на дно существования. Читатель смотрит сквозь толстое стекло на странных людей, на их жизнь — и внезапно понимает, что он один из них, что нет разницы между привычным миром внутри прочной капсулы и страшным придонным миром снаружи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Иванов А., 2018

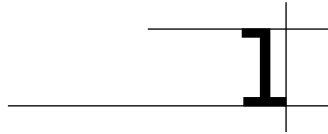
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092467-7

**Иная хитрость так тонка,
что сама собой рвется**

Франц Кафка

Первые два месяца в Копенгагене я не жил, а плавал в воздухе, как большой мыльный пузырь, покрытый чувствительными ресничками, которыми я осязал этот незнакомый город. Меня изумляло все... особенно звуки! они закрадывались в меня и оживали в виде странных снов; лежа на полу на картонной подстилке, пуская кольца в потолок, я гадал: каким должен быть источник этой чехарды, что распаивается в голове стаей разноцветных зонтиков... скользит между ребрами ужом... спицами вонзается в пятки... Я списывал этот эффект на действие контрабандного табака, за которым дядя ходил каждый второй четверг к какому-то знакомому курду (совершенно напрасно: табак был самый обыкновенный); дядя уходил, а я оставался и чутко прислушивался... В целях конспирации я не выглядывал из окна, не открывал на стук, не снимал трубку, даже не вставал, — я лежал на картонке с закрытыми глазами, тщась расшифровывать то, что слышал, и чудилось мне всякое! Звуки то ошарашивали холодностью, то щекотали, не желая укладываться в ин-

вентарную систему образов; я улавливал целые композиции, которые проплывали мимо, не востребованные; как ребенок, я распахивал им навстречу руки, а они предательски ударяли меня в лицо; некоторые жалили, а потом сворачивались на груди, притаившись на минуту-другую, они впитывали мое тепло, заставляя сердце стучать быстрее, вприпрыжку, и вдруг со своенравием кошки убежали... вслед за шагами за дверью... стояли и смеялись за окном... Нужно не прятаться в четырех стенах, а дать городу к себе прикоснуться; ты должен запутаться в улицах, уехать черт знает куда, приставать к прохожим, ворожить над картой, ловить попутки... тогда однажды сам не заметишь, как все встанет на свои места. Но я размяк, я слишком утомился от погони... я залежался; меня даже музыка нервировала, музыка, которую включал мой дядя; вернувшись после своих дел, он брался за карандаш и включал *T. Rex*, я спрашивал: нельзя ли рисовать без музыки?

— Можно...

— Так почему бы не выключить?

— Теперь уж нельзя.

— Почему?

Он бросал карандаш, начинал ходить... рассказывал об ужасной жизни в лагерях беженцев, о всяких странных личностях, которые без видимых причин пропитались к нему неприязнью, к дверной ручке дядиной семьи они подвешивали фекалий, мочились на коврик, крали его ботинки, игрушки дочки, заглядывали в окно, намеренно шумно трахались... он снова взял карандаш и, размахивая им, как дирижерской палочкой, ходил, говорил, все больше повышая голос, ускоряясь и выходя из себя... монолог ре-

чушкой бежал в море, в котором начиналась буря: знаешь, в лагерных комнатухах стены тонкие, все слышно, у нас маленькая дочка, а эти идиоты там устраивали оргии!.. мы все прекрасно понимаем термины: *cultural diversity, tolerance*¹ и тому подобное, но — понимаешь ли, когда проживаешь так тесно, так кучно с самыми разными людьми, когда их так много, не важно, кто они — рабочие или артисты, средний класс или быдло — в толпе все смывается с человека, большими группами вас держат в длинных коридорах, в школьных комнатах, в кинотеатрах, увозят к черту на кулички, держат в кемпингах, ты чувствуешь себя скотиной, становишься частью массы, твои индивидуальные черты испаряются, ты забываешь свое имя, о профессии я и не говорю, какая к черту профессия, дипломы — подотрите ими ваш зад! в нашей стране пока вы не прошли сертификацию и не выучили наш язык вы можете потеряться всеми вашими качествами достоинствами достижениями! — в такой обстановке трудно жить — ты мигрант заполняй анкеты шагай от поста до поста интервью отпечатки пальцев все ценное сдать отвечай на вопросы справки документы фотографии лампа в лицо — тут ты и становишься мигрантом, у которого нет национальности, нет даже имени, так какая разница, придумал я себе имя или нет?.. спроси себя!.. я себе часто задавал этот вопрос: какая разница?.. людей, оказывается, так много... так много, едут и едут, одни приезжают, другие уезжают, поток идет, а ты сидишь, чего-то ждешь, ты должен сидеть, пока одних уносит волной, другая волна приносит новых, самых

¹ Культурное разнообразие, толерантность (*англ.*).

разных, у всех есть свои привычки, ты знаешь, в чем-то они все одинаковы — одинаково устали, одинаково недовольны, одинаково раздражены, одинаково напуганы, одинаково помяты бессонными ночами, а когда все живут в режиме ожидания и высокого нервного напряжения, любые термины теряют смысл, молись ты хоть Аллаху, хоть Фрейду, весь лагерь ходил мимо крупными буквами выложенного на стене лозунга: **we must cultivate the science of human relationships — the ability of all peoples, of all kinds, to live together and work together, in the same world, at peace**¹ — и что с того?.. ничего!.. все впустую!.. я пожил в Городе Солнца, поверь мне, эти лагеря, они и есть утопия Кампанеллы, я знаю, о чем говорю, восклицал дядя, я знаю, что в принципе глубоко в сердце все мы добрые, и каждый в отдельности взятый человек не желает другим зла, особенно тем, кого он не знает лично, но я также знаю, что все это разбивается о стену дискомфорта и неопределенности, самое неприятное — ты подвешен в воздухе, ты болтаешься на ниточке, ты чего-то ждешь, тебе говорят: вы ждете решения, и ты ждешь решения, потом приходят и говорят: вы ждете комиссии, и ты сидишь и ждешь какой-то комиссии, ты получаешь отказ, и тебе говорят: вам отказали, но вы можете апеллировать, ты обращаешься к адвокату, составляешь опротестование, узнаешь, что за дополнительные, государством не покрываемые часы, ты можешь, если заплатишь адвокату, продолжать апеллировать и обращать-

¹ Известное высказывание Франклина Д. Рузвельта: «Мы должны развивать *науку* человеческих отношений — способность всех людей любого происхождения *жить вместе* и работать вместе, жить в мире на одной земле».

ся в самые разнообразные инстанции, о которых государством нанятый адвокат не сообщит, и тогда у тебя появляется цель... — лебединая песнь моего дяди: адвокат, который их спас, вытащил его семью из ужасных условий, из хижины старых датчан, где они нелегально прятались: ей было восемьдесят три, ее мужу девяносто, его звали Свен, ее — Ода, они не говорили по-английски, дядя и его жена общались с ними через свою маленькую дочь (ей тогда было, кажется, семь и она уже здорово щебетала по-датски), почти полгода они жили на ферме в глуши, до ближайшего магазинчика с почтовым отделением двадцать пять минут р̄а сукел¹: вжих-вжих — прекрасное упражнение! дом восемнадцатого столетия, телевизор пятьдесят какого-то года, они его не смотрели, в шестьдесят третьем году им вдруг наскучило и больше не включали: *masser af ting at gøge!*² древняя молочная ферма с низким потолком и маленькой дверью — мой subtilный дядя наклонял голову, кривился, а великан Свен проскальзывал как нитка в угольное ушко, не испытывая никакого неудобства, мой дядя им помогал по хозяйству, копал картошку, стриг траву, что-то красил, дел было не так уж много, но они все время трудились, находили, чем себя занять, и для дяди с его женой работу придумывали, девяностолетний Свен работал каждый день четыре часа, не больше, за те четыре часа он успевал сделать чуть ли не втрое больше моего дяди, — я такого старика в жизни не видел, признался он, это просто какой-то древний витязь, могучий, длиннорукий, силач,

¹ На велосипеде (*дат.*).

² Масса дел! (*дат.*)

Ода тоже работала каждый день, не меньше восьми часов, у них были коровы, свой магазинчик, они жили по-старинке, продавали молоко, делали масло, сливки, сметану: свой штемпель и наклейка с рисунком фермы Гудмундсенов; дядя писал письма адвокату, слал ему деньги (сбережения от лагерных pocket-money¹), встречался для беседы, а потом возвращался к старикам и работал, те им немного платили, как только дядя сообщил адвокату, что у него кончились деньги, тот включил счетчик — и я этому сильно обрадовался, признался дядя, сверкая глазами (у него выступали слезы благодарности), потому что боялся, что он забросит мое дело, но он сказал, что осталось самое главное довести до конца, но это займет какое-то время, я согласился выплатить ему долг после окончания дела, чем бы оно ни окончилось, я подписал договор, это было очень хорошим знаком, так как ни один адвокат, как ты знаешь, не станет работать без надежды получить оплату за свое время, — подписывая договор, дядя с трудом сдерживал радость, он понимал — дело выиграно, осталось совсем-совсем чуть-чуть, и действительно, через несколько месяцев адвокат позвонил ему и сообщил: дело выиграно, — еще три года после получения документов дядя выплачивал адвокату, но это уже было совсем другое время, совсем другая жизнь, он открыто гулял по Копенгагену, ходил в школу, учил язык, получал социал, ходил в супермаркеты и бары — вокруг были граждане Дании, он верил: теперь-то уж начнется его стремительное восхождение вверх

¹ Деньги на карманные расходы (*англ.*); имеется в виду пособие, которое выдавали ищущим убежище.

по социальной лестнице... как много значит определенность!.. стоит из-под ног выбить почву, как ты превращаешься в ошестинившегося зверя... о *способности людей* проживать вместе под одной крышей я знаю всё, красивые слова, красивые картинки, вспомни Ильича, в детстве кто не верил в дедушку Ленина?.. ха, они тут в Европе придумали похожую мечту, приятно расслабляет, как успокоительное, сам малевал, знаю, нечем было заняться, я — художник, почему бы не помочь, чтоб было красиво, лучше я, чем какой-нибудь араб, чтобы я потом ходил мимо их мазни, они получают позитив и уедут, а мне жить, год, другой, бороться за свои права проживать тут, да, разноцветные билдинги, я красил, *we are the family... we are the world we are the children*¹ пел, да, что поделать, пел, и моя дочь пела, а на деле — лицемерие!.. им следовало написать на стене **Homo homini lupus est**² — вот это было бы честно, по крайней мере, у меня нет иллюзий на этот счет, их жеманные притворные лозунги, у меня от них изжога, быть может, кому-то они внушают оптимизм, надежду, у кого-то при виде слов Рузвельта бьется сердце быстрее, для кого-то что-нибудь да значат эти слова, но не для такого человека, как я, нет, такому человеку, как мой дядя, подобные лозунги не внушали доверия, как и мечети, он говорил, что очень многие из тех, кто получал позитив в Дании, презирали датчан, они кричали: Европа — это унитаз, а вы все — глисты и дерьмо, ха-ха-ха, мы скоро вас поимеем, так кричали они, с такими плакатами выходили на улицу, дядя своими глаза-

¹ Мы — семья... Мы — мир, мы — дети (англ.).

² Человек человеку волк (лат.).

ми видел, и его это возмущало, он бушевал: мне больно на это смотреть, говорил он, во что превращается Европа?! — он приветствовал новую национал-консервативную партию *Dansk Folkeparti*¹, что было очень странно, потому что в день моего приезда он, как мне показалось, был настроен несколько иначе, то есть — он говорил абсолютно обратное! В тот день шел легкий снежок, в Эстонии было очень холодно, а в Копенгагене все таяло под ногами, и только мелкий снежок штриховал улицы, Копенгаген мне показался импозантным, дома были большие, покрытые малахитом окиси, в новеньком желтом автобусе обшивка сидений мне казалась роскошной, мосты, туннели, захватывало дух от сверкавших стеклами высоких современных зданий, город ослеплял, где-то посреди него виляла яркая золотая спираль какой-то церкви, я был раздавлен этим величием, роскошью, разнообразием... я приехал в куртке, которую прислал мне дядя лет пять назад, темно-зеленый дождевик с подбитым мехом капюшоном, для рыбаков и скаутов, лесников и егерей, охотников и любителей длинных пеших прогулок, я ее сильно заносил... он сказал: мое сердце сжалось, когда я увидел тебя в моей куртке, я ее носил последние три года, когда жил в лагере и у Гудмундсенов, ездил сквозь непогоду на почту, к адвокату в Орхус, за билет приходилось платить (Гудмундсены помогали); для меня эта куртка стала чем-то вроде знака того трудного времени, и когда я увидел тебя в ней, ты не поверишь, как сжалось мое сердце (от жалости ко мне или от жалости к себе или от воспоминаний о тех *трудных временах*, хотел

¹ Датская Народная партия, национал-консерваторы.

бы я знать, нет, не хотел бы); из Каструпа¹ мы приехали в центр, совсем стемнело, фонари светили ярко, люди вокруг были веселые, машины — новенькие модели, такие в Таллине еще встречались редко, я словно попал в будущее Эстонии: не было следов советского прошлого, страну наводнили, людей накормили и приодели, магазины набили до отказа; мы обменяли доллары в кассе недалеко от Центрального железнодорожного вокзала, окошечко выходило прямо на улицу, небольшой хвостик, пока стояли в очереди, к нам подошли какие-то хмыри, ушлые с виду, наркоши, наверное, они знали дядю, обратились к нему по имени, что-то спросили, я не понял их вопроса, я не вполне понимал их речь, я тогда подумал, что это от аффекта, ведь я был еще на гонках, я незаконно покинул Эстонию, меня не хотели выпускать, когда я проходил паспортный контроль, меня остановили на воротах, всех пропускали, а я стоял, мои документы изучали отдельно, на это ушло тридцать мрачнейших минут моей жизни, отвели в сторону, где я уже не мог ни уйти вперед, ни вернуться назад, выход контролировали секьюрити, попался, подумал я, если бы кто-нибудь знал, что я чувствовал в те минуты, я думал, что мне пиздец, я был в розыске, я заплатил следаку пять тысяч крон и еще вещами носил взятку неужели сука не снял меня с розыска он же мне показывал как мое имя исчезло из списка вжик и строка с моим именем исчезла значит наебал скотина ментам нельзя верить, вот и все, мои документы унесли, я стоял и поводил ужасом наполняющимися глазами, все плыло, еле дышал, девушка, которая обратила внимание на

¹ Аэропорт Копенгагена.

что-то в своем компьютере, когда проверяла мою визу, с извиняющейся улыбкой повторила: это наверняка какая-то ошибка, сейчас они проверят и вы полетите, — я повторял: ошибка, у меня там есть виза, меня ждут в Копенгагене... — да, я вас понимаю, улыбнулась, совсем юная эстонка, хорошенькая, — наверное специально улыбается, чтобы я не задержался, их этому учат, пять минут, десять, двадцать, мы еще несколько раз обменялись улыбками... *ошибка, виза...* мне бы не выдали визу, повторял про себя... пустой зал, я и она, два секьюрити, моя жалкая улыбка, она берет телефон, тихо говорит, что сейчас узнает, я изливаю на нее нежность и благодарность — всем существом надеюсь, что сейчас сообщит: все хорошо, но вместо этого: подождите немного, я говорю: самолет улетает, — я задержала рейс, — ого, ради меня задержали рейс, я почти проваливаюсь в обморок, как тут появился охранник с моим паспортом, прошу, возвращает, вежливо, очень вежливо извиняется, по-русски, с сильным акцентом: *ошибка какая-то извините просто черт знает што...* улыбается, я тоже улыбнулся — ему, девушке: ну, вот видите — *ошибка!* и рванул на мой самолет, меня приветствовала стюардесса, я ей сказал *I am sorry for keeping you waiting, — never mind! welcome on board!*¹ английский *from now on*², только английский, говорил мне дядя в Каструпе, тебе больше не придется говорить на эстонском, *never*³, могу тебе это обещать смело, выкинь из головы, он хлопал

¹ Извините, что заставил вас ждать! — Пустяки! Добро пожаловать на борт! (*англ.*)

² Отныне, с этого момента (*англ.*).

³ Никогда (*англ.*).

меня по спине, — чего они хотели, спросил я, когда ханурики отвалили, и мы обменяли мои доллары, — они хотели немного навариться, — ??? — да, представь, развести тебя собирались, — шутишь? — ничуть, представь, они предлагали купить твои доллары, я им сказал, что ты не *кшент*, ты со мной, запомни: ты — мой друг, а не родственник, будет лучше, если никто не будет знать о том, что ты мой родственник, — да, да, — они думали, я простачка пришел прокинуть, давай делиться, зря мы вообще сюда пошли, но здесь удобней всего, я надеялся, что их нет в Копенгагене, что их вообще больше нет в Дании, нелегалы хреновы, — с «куклами» у обменника, да они застряли во времени! — точно... идеально никого нигде не встречать, — на каком языке ты с ними говорил? — на русском, конечно, — я не понял ни слова, — они литовцы, у них сильный акцент; дядя забрал деньги себе, и еще пятьсот долларов, которые мне с собой дала мать (и дедушка, но все равно, дядя после утверждал, что я ограбил дедушку, и забрал у меня пятьсот долларов, но поддался на уговоры матери — об этом она мне сообщила уже после моего возвращения — и вернул их мне значительно позже, через год), накупили еды, пива, вина, и, дымя сигариллой, он говорил о том, что датчане оруэллизировали его прошлое; и твое в том числе, добавлял он, имей в виду, твое прошлое они оруэллизировали тоже, потому что у нас — общее прошлое, ты должен это понимать, я тебя предупредил, не упускай из виду, и всегда помни об этом, с той минуты, как ты ступил на датскую землю, даже если ты ни с кем не общаешься, вот как я (он почти ни с кем не общался, кроме официальных лиц, с которыми он вел особые разговоры, например, о своем бизнесе или сво-